

Вэй Хуань с облегчением выдохнула, отпустив поводья Тайпин, и услышала, как та рядом произнесла: «Спасибо тебе за помощь. Когда вернусь от матушки, обязательно отблагодарю как следует». От этих слов Вэй Хуань снова вспыхнула: «Ты думаешь, я жду от тебя награды?»

Девушка оказалась сообразительной и ответила: «Конечно, нет. Просто я вспомнила и решила сразу сказать. А ты зачем меня остановила?»

Вэй Хуань сердито посмотрела на неё и, заметив, что та вся в поту, резко сказала: «Платок есть? Вытри лицо». Хотя слова её прозвучали холодно, сердце невольно дрогнуло при виде бледного личика Тайпин. Взгляд её невольно скользнул в сторону, куда удалился У Миньчжи, и она сжала кулаки.

Моя радость не поддавалась описанию. Хотя мы с Вэй Хуань были давно знакомы, в тот день мы болтали как новые подруги. В пылу разговора я обняла её за плечи, и она не стала отстраняться. От этого моя радость возросла вдвойне. Мне даже захотелось превратиться не в человека, а в пояс или платок, чтобы всегда быть рядом с ней. К несчастью, выходной длился всего день, и большая его часть уже прошла. Вечером мы едва успели пообщаться, как придворные стали торопить: «Госпоже пора спать». Пришлось уткнуться в подушку. Мысль о том, что её нет рядом, делала меня ещё более одинокой, чем прежде, когда она была непреклонна. Я ворочалась всю ночь, утром встала поздно, опоздала на занятия и, едва начался урок, уже зевнула несколько раз. Мяо Шэнькэ, увидев это, нахмурился. Он собирался разбирать главу «Ба И», которую я уже заранее прочитала, сложные места уточнила, но он вдруг выбрал отрывок из «Гун Е Чан» и велел мне прочесть: «Цзай Ю спал днём. Учитель сказал: "Гнилое дерево не годится для резьбы, а стена из навоза не поддаётся штукатурке"». Прочтя, он нарочно спросил: «Принцесса понимает, что это значит?»

Хотя я не изучала этот отрывок, в прошлой жизни слышала о нём и потому ответила: «Понимаю».

Он знал, что я раньше училась во Внутреннем дворе, и не удивился. Прищурившись, сказал: «Тогда прошу принцессу объяснить мне».

Я выпрямилась и чётко произнесла: «Цзай Ю спал днём, и Учитель сделал ему выговор, сказав, что он неисправим». Увидев, как Мяо Шэнькэ улыбается, поглаживая бороду, я тоже улыбнулась: «Но я думаю: гнилое дерево, обратившись в пепел и смешавшись с землёй, утрамбованное, может стать прочной стеной. А стену из навоза, высушив и счистив пыль, можно покрыть штукатуркой. Цзай Ю в итоге стал одним из мудрецов школы Конфуция — значит, он всё же исправился».

Мяо Шэнькэ не рассердился на моё возражение, но стоявшая рядом женщина-чиновник кашлянула. Я вспомнила, что в наше время Конфуция не принято критиковать, и поспешно добавила: «Святой был милосерден и терпелив. Произнеся эти слова, он, конечно, имел в виду не единичный случай. Вероятно, Цзай Ю часто его разочаровывал, и Учитель, накопив недовольство, высказался так. Нам, потомкам, следует брать с этого пример». Закончив, я увидела, что женщина-чиновник вновь застыла, словно каменное изваяние, высунула язык и спросила Мяо Шэнькэ: «Учитель, с чего мы сегодня начнём?»

Под «учёбой» подразумевалось, что я заучиваю текст, а после запоминания он объясняет его смысл. Из моих наставников лишь уроки Мяо Шэнькэ мне нравились, потому что каждое его объяснение, от древних мудрецов до обычаев прошлых династий, было насыщено примерами и очень живо. Например, пять иероглифов «учиться и постоянно повторять» я могла объяснить лишь как «учиться без повторения — значит забывать», и всё. А он начинал с «Хуан-ди родился

одухотворённым, в младенчестве умел говорить, в детстве был скромн, а в зрелости — добр и умен», рассказывал, что «правитель» передаёт волю Неба, а затем говорил, что мы, простые смертные, не столь одарены, как Хуан-ди, и не способны постичь волю Неба, а потому должны учиться. Учение же не должно быть догматичным, у него должен быть метод. Каков же этот метод? Именно «постоянное повторение». А «постоянное повторение» — это не только заучивание наизусть, но и осмысление. Например, добродетель благородного мужа следует постоянно помнить и повсюду воплощать, как Цзэн-цзы, который «трижды в день проверял себя». Вот что такое метод повторения. Всё это было прекрасно, но он мог рассказывать об этом целое утро. Ныне времена изменились: каждый полдень я по правилам должна была являться к родителям. Это уже были не тёплые беседы, а формальный опрос у дворцовых служителей о еде и питье. После этого отец с матушкой задерживали меня, задавали вопросы, иногда проверяли знания — и вот уже наступало время послеобеденных занятий. Что не успевали пройти утром, переносилось на день, что не успевали днём — на вечер. А стихи и прописи, которые полагалось делать вечером, приходилось оставлять на ночь. Времени на общение с А-Хуань не оставалось вовсе. Мне ужасно нравились и в то же время ужасно не нравились такие уроки. Когда он начинал заниматься, я всё время торопила его: «А что дальше? Что будем учить?»

Но Мяо Шэнькэ, казалось, и не думал понимать моих чувств. Он несколько раз погладил свою и без того гладкую бороду, прежде чем неспешно улыбнулся: «Принцесса, сколько глав «Луньюй» вы уже прошли?»

Я покачала головой: «Лишь несколько отрывков, которые случайно слышала. Но сколько бы я ни знала, это не сравнится с вашими уроками. Учитель, скажите, с чего начнём?»

Он всё ещё улыбался и лишь спустя время произнёс: «Я полагаю, впредь нам не следует заниматься таким образом».

Сердце моё ёкнуло. Я уже собиралась извиниться, но он отпустил бороду, подошёл к моему столу и, наклонившись, взглянул на меня: «Сегодня принцесса самостоятельно выучит наизусть текст от «Ба И у юй тин» до «У хэ и гуань чжи цзай». Женщина-чиновник объяснит вам смысл, а завтра вы сами изложите мне учение».

«Изложение учения» было обычной практикой: достигнув определённого уровня, ученик объяснял учителю смысл канона и высказывал свои суждения. Из князей и принцесс лишь наследный принц, начиная с пяти лет, излагал учение перед студентами Гоцзыцзяня и сановниками. Остальные начинали лет в пятнадцать-шестнадцать — нужно было как минимум освоить один канон, чтобы отважиться на рассуждения. Мяо Шэнькэ учил меня несколько месяцев, я прошла лишь десятую часть «Луньюй», а он уже велел мне излагать учение — явно замыслил недоброе.

Со лба у меня выступил холодный пот. Дрожа, я проговорила: «Учитель... я виновата. Больше не буду опаздывать. Я... я ещё мало знаю, не смею толковать священные тексты».

Мяо Шэнькэ сразу понял мои опасения и мягко улыбнулся: «Я лишь считаю, что при ваших успехах не стоит тратить время на зазубривание и исправление произношения. Поэтому попробуем иной метод. Не нужно углубляться, как я, — просто изложите свои мысли, посмотрим, как вы понимаете текст. Это не наказание, успокойтесь».

Видя, что он не питает дурных намерений, я немного облегчённо вздохнула, но страх оставался. Желая угодить, я сказала: «Учитель, зовите меня Эрнян. В классе есть лишь учитель и ученик, нет рангов».

Мяо Шэнькэ не стал церемониться: «Эрнян, приступай к заучиванию». И вышел, оставив меня одну.

Только теперь я смогла как следует просмотреть указанные им параграфы. Двадцать шесть глав, несколько сотен иероглифов — выучить их было не так уж сложно. Если не вдаваться в глубинный смысл, буквальное значение тоже было понятно. Но я боялась, что он воспользуется случаем, чтобы отомстить, и хотела выступить блестяще, а это уже было сложнее. Все двадцать шесть глав этой части говорили о ритуале. Мяо Шэнькэ велел мне рассуждать — значит, тема должна быть «ритуал». Как мне, маленькой ученице, рассуждать о таком обширном понятии? Подумав, я решила обратиться за помощью. Но среди моих знакомых не было подходящих. Фан и Ван не обладали достаточными знаниями. Пэй Ланьшэн, пожалуй, могла бы, но была слишком принципиальна и вряд ли согласилась бы. Цуй Мин-дэ находилась за пределами дворца. Оставалась лишь Вэй Хуань. Но просить её работать ночью ради меня было несправедливо — у неё и так хватало дневных забот, не стоило беспокоить её вечером. Хотя... сейчас у нас и так мало времени для встреч, а это как раз повод позвать её посидеть со мной за книгами. Эта мысль развеяла всё моё нежелание. Весь день я была рассеянна: на занятиях, за письмом. Лишь после ужина и умывания я вдруг вспомнила о задании и, засуетившись, велела слугам приготовить чернила и книги, не отпуская Вэй Хуань. Увидев мою тревогу, она сама спросила: «Что ещё велел учитель? Ты так переживаешь, что даже не поела как следует».

<http://bllate.org/book/16278/1466492>